нужны, очевидно, большие количества марок для осуществления своих планов эксплоатации Рура.

Если последнее соглашение комиссии французских инженеров с рурскими контевладельцами о наличном расчете за репарационный уголь будет осуществлено, то закупки германских марок со стороны Франции и Бельгии, должны будут еще усилиться.

Заграничные газеты определяют сейчас общую стоимость французской военной экспедиции в 7—8 миллионов золотых марок. С дальнейшим расширением оккупации цифра эта должна будет еще соответственно возрости. Между тем, вся стоимость недоданного Германией за 1922 год угля не превышает 23 миллионов марок золотом, а стоимость недоставленных лесных материалов еле достигает 2½ миллионов золотых марок.

Если экономические перспективы рурского похода еще и не вполне выяснились, — во всяком случае, его ближайшие финансовые итоги — плачевны.

Л. Лазарев.

Экономическое положение Европы в 1922 г.

Понятно, что экономическое положение Европы тесно связано с его положением финансовым, охарактеризованным уже нами раньше (см. «Экономич. Обозрение», № 29). Но, переходя к рассмотрению хозяйственного состояния европейских государств, мы прежде всего должны констатировать еще большую индивидуализацию в этом отношении отдельных стран. В экономической политике направление государственной политики всегда играло большую роль, но еще значительнее влияние государственной экономической политики, внешней, как и внутренней, в настоящее время, время хозяйственной неурегулированности и дезорганизации. Каждому государству приходится теперь фактически считаться с множественностью течений, влияний и явлений в области как общей, так и особенно, экономической международной политики. Тогда как до войны тесная международная связанность в финансовом и экономическом отношениях обуславливали такую максимальную терпимость, которая нашла свое выражение в системе наибольшего благоприятствования, т. е. в принципе: не ставь меня в наших взаимных торговых сношениях в худшее положение, нежели то, в котором ты находишься с другими договорными сторонами, нынешняя внешняя торговая политика каждого самостоятельного государства представляет собою самую пеструю смесь всевозможных принципов торговой политики, которые практиковались во взаимных экономических сношениях народов на протяжении целых веков.

Главнейшая беда Европы заключалась в минувшем году в том, что группа центральных государств была совершенно лишена своей политической и экономической самостоятельности. Главным образом мы имеем в виду Германию, значение которой, как страны производящей и потребляющей, до войны играло такую первенствующую роль не только в самой Европе, но и во всем мире.

В то время, как во всех остальных государствах Европы во всех почти отраслях промышленности и торговли господствовал более или менее острый кризис, в Германии и, частью, в Австрии около 15 миллионов работников вели напряженную работу, выражавшую, что эти государства переживают высочайшую кон'юнктуру. Эта кон'юнктура поддерживалась, главным образом, заказами из заграницы, из стран с высокой и средней валютой, где германские товары, не взирая на все способы защиты, заключавшиеся в подвижных высоких таможенных пошлинах, благодаря своей дешевизне, легко конкурировали с товарами местного производства.

Этот мнимый расцвет промышленности долго, однако, продолжаться не мог. Целые отрасли германской, а в еще большей степени австрийской промышленности находятся в зависимости от импорта сырья и полуфабрикатов из заграницы. Как только началось катастрофическое падение марки, исчезла твердая база для калькуляции товарных цен, и началась настоящая товарная спекуляция со всеми присущими ей нездоровыми явлениями. Каждое новое падение марки вызывало по необходимости резкое повышение цен на внутреннем рынке Германии. Что касается внешнего рынка, то повышения не могли итти параллельно таким образом, чтобы ими обеспечивались как интересы предпринимателя, так и интересы действительного творца товаров — рабочего. Из них обоих страдающим лицом поэтому явился рабочий. Вернее сказать, не почве экономической дезорганизации Европы создалась настоящая спекуляция человеческим трудом. Каждый месяц происходил в Германии торг между организациями рабочих и работодателей относительно размеров повышения платы за труд и приведения ее в норму с изменившимися условиями дорожизны жизни. И каждый месяц все больше и больше отдалял трудовые массы Германии от сносных условий существования, от условий Existenzminimum'a. Какое огромное значение для рабочих имело товарная спекуляция, видно из того, какую значительную часть стоимости товара образует непосредственно человеческий труд. Дешевизна труда германского рабочего, как и рабочих других стран с дешевой валютой — это теперь ясно для всех — дешевизна, как фиговым листом закрываемая возрастающими цыфрами вознаграждения за труд, является несчастьем не только для этих стран, но и для стран со средней и высокой валютой, так как царящая там безработица вынуждает рабочих в конце концов соглашаться на понижение их заработной платы в виду необходимости удешевления стоимости производства и защиты внутреннего рынка от наводнения его дешевыми товарами из стран с низкой валютой.

* * *

Для общего экономического положения Европы имели огромное значение результаты урожая минувшего года. Со времени окончания войны это был первый год, когда сельскохозяйственная промышленность могла работать при нормальных условиях. Существовали поэтому большие надежды, что европейские хлебопроизводящие государства в своих стремлениях к восстановлению сельского хозяйства сумеют настолько подвинуться вперед, что им удастся значительно сократить зависимость Европы от хлебного импорта из Америки. Действительность жестоко обманула надежды европейских народов. Ни расширение запашки, ни улучшение обработки не оказались в состоянии побороть чисто стихийных бедствий, разразившихся над Европой. Холодная затянувшаяся зима, сухая весна, холодное лето, закончившееся обильными осадками, мешавшими уборке хлебов, таковы оказались эти действия, уничтожившие столько прекрасных надежд на экономическое улучшение.[1])

Для Германии трагические результаты этих ожиданий оказались, можно сказать, роковыми. Урожай получился значительно ниже урожая 1921 г., а тем более урожая 1914 г. Местами, как, напр., в Баварии, недобор исчислялся до 50%. В общем, недобор составил около 30—35%. Даже в нормальное время такой недобор оказался бы чувствительным для народного хозяйства страны. Теперь же, когда ей придется, при всех сокращениях потребления, импортировать, по меньшей мере, 3 миллиона тонн хлеба, не говоря о других продовольственных продуктах, не трудно представить себе, как это отразится на ее торговом балансе, и без того сильно пассивном, и на состоянии ее валюты, и без того стоящей так низко.

Тяжелым ударом был неурожай и для Франции. Несмотря на то, что во 2-ой половине в общей ее экономической кон'юнктуре началось и наблюдается до сих пор улучшение, нехватка 20—25% сельско-хозяйственных продуктов явится для положения страны весьма неблагоприятным фактором, тем более, что, в связи с ее агрессивной политикой в репарационном вопросе, постепенно ухудшается ее финансовое положение, выражающееся, между прочим, падением франка, идущим параллельно с падением марки. Неурожай постиг также Италию, часть Скандинавии, часть Балкан, и везде в этих странах общая экономическая кон'юнктура вследствие этого более или менее пострадала. Одна Польша оказалась в отношении урожая в исключительно благоприятном положении, так что в нынеш-

[1]) В Германии урожай пшеницы дал 18.957.000 дв. центнера вместо 29.338 в 1921 г. и 39.491.000 дв. цент. ржи вместо 67.988.000; во Франции — 64.057.000 дв. цент. пшеницы вместо 88.034.000, в Италии — 43.400.000 дв. цент. пшеницы вместо 52.482.000, и т. д.

Покупая выигрышный заем, Вы укрепляете курс рубля.